

Юрий САВВАТЕЕВ

г. Петрозаводск

Роман о сыне своего времени

Это очередная и, к большому сожалению, последняя книга Анатолия Гордиенко (01.09.1932–21.07.2010). Она вызвала повышенный интерес, что связано и с известностью Анатолия Алексеевича, избранной им темой и, наконец, с тем, что новая книга, скорее всего, наивысшее его творческое достижение.

Анатолий Гордиенко в годы Великой Отечественной войны вместе с родителями оказался в немецкой оккупации, летом 1943 г. вся семья находилась в партизанском отряде. Основной темой его книг, телефильмов, телепрограмм стала война. Он автор более 80 телефильмов и телеочерков. В 1966 г. в журнале «Север» появилась повесть «Минута жизни», за ней выходит ряд других художественно-документальных повестей. Широкую известность и признание получил роман-хроника «Гибель дивизи-

зии» (2004) о событиях советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. А. Гордиенко был членом Союза журналистов, Союза писателей, заслуженным работником культуры Карелии и Российской Федерации.

На протяжении многих лет он изучал, пытался понять и донести до читателей трагические события «зимней» советско-финляндской и Великой Отечественной войн – едва ли не главных исторических событий XX века и для страны, и для Карелии.

Новая книга включает аннотацию, краткое вступление автора, 7 частей-глав, воспоминания 15 человек, близко знавших Г.Куприянова, и извлечения из трех отзывов на рукопись книги. Особенность ее в том, что героем является главное лицо в

руководстве республики Геннадий Николаевич Куприянов (21.11.1905–28.02.1979). Личность яркая и противоречивая. Он родился в крестьянской семье, в 1915 г. окончил 4 класса сельской школы. С 1919 по 1925 год работал плотником по найму. Стал комсомольцем. В 1925–1927 гг. учился в Костромской губсовпартшколе. Член ВКП(б) с 1926 г. В 1932–1935 гг. учился в Коммунистическом университете Ленинграда, по окончании которого находился в городе на партийной работе. Решением ЦК ВКП(б) в 1938 г. направлен в Карелию, где избран первым секретарем Карельского обкома ВКП(б) – стремительный карьерный взлет относительно молодого человека. Он прожил в Карелии 12 лет, считал ее вто-

рой родиной. Деятельность Г.Н.Куприянова и других руководящих работников республики рассматривается в контексте времени, так что читатель получает представление почти о 40-летнем отрезке исторического пути советской страны и Карелии, периоде, который не получил еще однозначного освещения.

Отношение к самому Г.Н.Куприянову и его деятельности в наши дни неоднозначно – от положительного до крайне отрицательного, как к преступнику. Наглядным свидетельством тому служит эпизод со снятием после установки мемориальной доски на доме, где он жил. А.А.Гордиенко осознавал, что, берясь за такой тяжелый и ответственный труд, он в какой-то мере подставлял себя, мог вызвать нарекания и даже неприязнь ярых противников Г.Н.Куприянова. Понимал, что лучший путь к истине – это глубокое изучение интересующей проблемы в контексте времени. Только после тщательного и непредвзятого исследования фактов, событий, явлений можно дать им объективную оценку, да и то, как правило, не сразу, не с первого захода. Автор попытался проторить путь к истине как в оценке деятельности своего основного героя и его окружения, так и советской действительности того отрезка времени с учетом многих внешних и внутренних факторов.

Сам автор представил свою книгу как роман, написанный «на основе архивных документов, разрозненных записок Куприянова и служебных писем, газетных публикаций». Книгу можно даже назвать историческим романом или историческим повествованием именно за надежную документальную основу. Труд получился солидным

как по содержанию, так и по стилю. Он доставит читателю истинную радость и удовлетворение. Следует принять во внимание предупреждение автора, что «...в романе есть некая доля авторского домысла», связанного с желанием «помочь читателю лучше понять происходящее, позицию главного героя, его поступки, его точку зрения». Рукопись книги прошла строгую предварительную экспертизу специалистов. Извлечения из их отзывов вошли в том. Сделано это намеренно и, на наш взгляд, не только ради рекламы. Они настраивают на диалог, обсуждение текста с участием и сторонников, и противников Г.Н.Куприянова. Автору помогли и личные впечатления от встреч с героем будущей книги. Помогли книги Г.Н.Куприянова «От Баренцева моря до Ладоги» (1972), «За линией Карельского фронта» (1975), «Во имя Великой Победы» (1985).

Среди рецензентов рукописи декан истфака ПетрГУ С.Г.Веригин, автор обстоятельного труда о Карелии в годы Великой Отечественной войны, опубликованного недавно. Предложенное «написание жизни одного из известных руководителей Карелии» он расценивает как «тяжкий труд» и выражает «огромную благодарность автору». Это оценка специалиста, и с нею нельзя не считаться. Он указывает, что в книге много интересных фактов, не известных читателям до сегодняшнего дня. Другой рецензент Э.П.Лайдинен, полковник запаса, член-корр. Российской академии военно-исторических наук, тоже кандидат исторических наук, рассматривает книгу как «хороший подарок всем любителям истории Карелии, особенно к 65-летию Великой Победы и 90-летию образования Республики

Карелия». Г.Н. Куприянова он воспринимает как «сына своего времени; со своими плюсами и минусами, как активного участника исторических событий в Карелии». Известный писатель и журналист А.И.Валентик подтверждает, что автор верен документу и не делает никаких субъективных попыток что-то переинициализировать, о чем-то умолчать в угоду кому-то или чему-то. По его мнению, данное издание впервые так широко охватывает 1940 – 1950-е годы в Карелии, так детально показывает и достоинства, и огрехи того времени, его героизм и трагизм.

К числу основных достоинств книги совершенно справедливо относится стремление к достоверности, полноте освещения действительности. Вместе с главным героем в ней фигурирует множество других персонажей, принимавших активное участие в происходящем, выражающих свое отношение к Г.Н.Куприянову. Роман, я уверен, оставит след в изучении истории Карелии советского периода, поможет в подготовке обобщающего труда об истории республики.

Возможно, при переиздании стоило бы усилить раздел «О книге», поместить в нем более подробный анализ с целью полнее отразить документальную основу, соотношение исторической правды и авторского вымысла. Тогда легче будет использовать этот труд в школах и вузах для изучения истории Карелии в 1930–1950-е годы.

Пристальное внимание привлекают деятельность Г.Н. Куприянова, его нестандартные инициативы и поступки, реальный вклад в состояние дел в республике в предвоенное, военное и послевоенное время – пожалуй, самый трудный период в истории края. Он оставался руково-

дителем Карелии до 1950 года. Как акт черной неблагодарности можно расценивать теперь снятие его с работы и арест по «Ленинградскому делу». На его долю выпали тяжелейшие испытания, длившиеся до 1956 г., когда, наконец, последовало освобождение. Какая сила воли, выдержка, чувство собственного достоинства потребовались, чтобы выдержать эти испытания, пройти 19 тюрем. Несмотря ни на что, он выстоял, выдержал, выжил, а выйдя на свободу, проявил себя в новом качестве. В 1957 г. реабилитирован и с тех пор по 1966 год являлся директором дворцов – музеев и парков в г. Пушкине. Написал три упомянутые книги. Не забывал о Карелии, не раз посещал ее. Описание жизни Г.Н. Куприянова и его окружения хорошо отразили взаимоотношения людей в высших эшелонах власти при разных ситуациях. Грустные чувства вызывает, например, позиция невмешательства в судьбы бывших коллег, товарищей и даже друзей, когда те оказывались в трудных, а иногда и критических ситуациях.

Однако ни восхвалять, ни испровергать Куприянова сейчас, да тем более некомпе-

тентно, нет никаких оснований. Да, он причастен к преступлениям, подписывал расстрельные списки. Но то был не его личный выбор. Как первое должностное лицо в республике, он действовал в системе, которую невозможно было игнорировать. Что-то, и немало, предписывалось «сверху» и было обязательным для исполнения. Сказывалось и желание оставаться во власти на первых ролях. Но оставалось и служение делу, постоянный напряженный труд руководителя республики. От него, его позиции и установок зависело многое. Велика его роль в кадровой политике, в отстаивании интересов Карелии, ее жителей. Велик его вклад и в восстановление разрушенного войной народного хозяйства Карелии.

Обстоятельная научная биография Г.Н.Куприянова – дело будущего.

А.А.Гордиенко задавал себе и читателям вопрос: забыт ли Куприянов и другие вожди и «зашоренные кумиры»? Ответ снова неоднозначен. Естественно, кто-то из прежних деятелей высшего уровня могут оказаться полузабытыми, но забыть напрочь всех, тем более

первых лиц, вряд ли возможно. Это не следует делать уже потому, что их нельзя вычеркнуть из истории, из числа ее творцов. Даже осуждая их, мы непременно должны стремиться к истине.

Надеемся, что долго будет помниться и имя автора книги А.А.Гордиенко, человека привлечательного, разностороннего, с выраженным творческим началом. Он был истинным энтузиастом своего дела, трудившимся с полной самоотдачей до самой кончины. Ему удалось увидеть свою только что вышедшую книгу, услышать первые отзывы о ней.

**Анатолий Гордиенко.
Куприянов и его время.
Петрозаводск, АУ РК
«Издательский дом «Карелия»,
2010, 448 с. Тираж 1000.**

Юрий Александрович САВВАТЕЕВ –

доктор исторических наук,

в 1988–2005 гг. возглавлял Институт языка,

литературы и истории КарНЦ РАН.

Опубликовал более 100 научных публикаций.

Советник РАН, заслуженный деятель науки

Российской Федерации и Республики Карелия.

Награжден почетными грамотами и медалями.

Владимир ТРУСОВ

г. Мончегорск

«Еще совсем
не поздно жить...»

«А ныне я, шаток и валок, / Взглянуть напоследок пойду, / Как плещется стая русалок / В затянута тиною пруду». Согласитесь, интересные строки.

Спросите, чем? Тогда как, на ваш взгляд, следует трактовать такие качества, как «шаток и валок»? Вспомним, что «ни шатко ни валко» для русского человека всегда означало: «так себе», «почти никак», «через пень в колоду» и тому подобное. Значит, «шатко и валко» (ну, и как производное – «шаток и валок»), если следовать логике, несет в себе обратный смысл и является характеристикой мобильности, оборотистости, ловкости, как ни странно.

А ведь приведенные выше строки завершают стихотворение «Старый лешак», где лешак этот самый «не спит, мучается думой унылой», ностальгирует по «боевому» прошлому и старается убедить себя и читателя в том, что его время закончилось. Путаница? На это предположение хочется ответить всем известной парадоксальной фразой: «Да, нет!» Поскольку «старый лешак» на самом деле сдаваться не собирается, напротив, живет он надеждой на будущее, однако относится к надежде собственной довольно иронично. Таково первое впечатление не только от уже упомянутого стихотворения, но и от одноименной

книги стихов (первой книги стихов!) известного карельского журналиста, петрозаводчанина Вениамина Слепкова. До старости автору, совсем недавно перешагнувшему сорокалетний рубеж, еще далеко, однако жизненный опыт, «сын ошибок трудных», им накоплен немалый. Есть о чем сожалеть, есть потери, но есть и некий «багаж», дающий возможность смотреть в «завтра» с определенным оптимизмом. Таков, собственно, и лирический герой Слепкова, человек, имеющий полное право сказать о себе словами Глеба Горбовского: «На лихой тачанке / Я не колесил. / Не горел я в танке, / Ромбы не носил. / Не взлетал в ракете / Утром по росе. / Просто жил на свете. / Маялся как все». В этой характеристике тоже самоиронии хоть отбавляй. Ну и лирическому герою Слепкова её не занимать:

*Ей омары, мне – Хайяма,
Ей брильянты, мне – стихи,
Ей – наряд из Амстердама,
Мне – замаливать грехи...*

*Ей победы и удачи
Под фанфары и тамтам.
Мне – Канатчикова дача,
Мне – Матросы*, мне – бедлам.*

И можно было бы уличить автора таких откровений в известном традиционном мужском кокетстве, дескать, вот он какой бессребреник, из тех, что «...а я еду, а я еду за туманом...», если бы не звучали и такие вот слова:

*...Прочь из памяти имя и отчество,
И количество прожитых лет!*

*Позабуду награды и звания,
И победы! В плену пустоты
Я еще позабуду признания,
Что когда-то дарила мне ты.*

* Матросы – поселок недалеко от Петрозаводска, где расположена республиканская психиатрическая клиника – сноска для читателей, не знакомых с Карелией и Петрозаводском.

*Те, что были победою главною,
Что дороже любых орденов...
Я закроюсь от памяти ставнями
И покрепче прилажу засов.*

И, опять-таки, если смотреть отвлеченно, ну страдает человек, по вполне понятным причинам. С кем не бывало такого? Только герою Вениамина Слепкова не страдание ради страдания нужно. Эти переживания для него естественный процесс подведения итогов на промежуточном жизненном финише. Попытка отсечь все лишнее перед стартом в будущее. Но старту этому как раз и предшествует поиск новой точки отсчета, который без самоанализа невозможен. А самоанализ – дело жестокое, если он имеет целью самоочищение или является шагом к таковому. Поскольку лгать самому себе попросту смешно, ведь все равно не сможешь. Поэтому необходимо подвести черту. С чем-то распрощаться, в чем-то покаяться, сбросить груз совершенных ошибок и, следовательно, ненужных сомнений и страхов.

*Я говорю: «Прощай!» своим
Тяжелым думам.
Спешу, чтобы, не дай господь,
Не передумал.
Чтобы успеть пожить еще
Без слез и страха....*

Несмотря на то, что:

*Пусть больно корни разрывать.
Заплачут корни...
.....
Я говорю себе: «Прощай!»
Тому, что прежде
Не смог создать, предав себя,
Свои надежды...*

Причем искренность намерений расстаться со всем, что в себе вчерашнем, героя не устраивает теперь, сомнений не вызывает. Ибо принимает формы воинствующие, категоричные до абсолюта:

*С тобой теперь оставлю все,
Что вместе нажил,
Все бесхребетное добро –
То не пропажа!*

Знакомая интонация, верно? На первый взгляд, она проистекает из «Добро должно быть с кулаками...» Станислава Куняева, поэта очень категоричного и сурового по отношению и к себе, и к ок-

ружающему миру. Но и здесь герой Слепкова вполне самостоятелен, ибо все-таки «бесхребетное добро» у него добро абстрактное, не имеющее конкретного или желаемого в полной мере воплощения. И потом, самоочищение не химическая реакция. И достигнуть его, по мнению героя книги, можно и должно конкретными делами, новыми свершениями, качественно отличными от предыдущих. Отсюда и строки, напоминающие тезисы «как дальше жить», следствие извечного вопроса: «Что делать?» И да не введет вас в заблуждение декларативная категоричность стихотворения «Я говорю себе: «Прощай!»», только что процитированного выше. Герой Вениамина Слепкова не зеленый юнец, поэтому, несмотря на все резкие порой заявления, от прошлого в итоге отказываться не собирается. Наоборот: «Мне б назад, мне б к началу, к истокам уйти...» И не беда, что сделанного не исправить, и несколько не противоречит себе герой, признавая: «Меж камней не пройти. Мне заказан тот путь, что обратно ведет. Ни шагнуть, ни свернуть...» Но память-то есть, но тот самый «багаж» за плечами, который не «тянет» назад, а устойчивость придает, он тоже есть. И не он ли так необходим, дабы «ошибок трудных» не повторять более? Безусловно, прожитые годы одновременно вселяют в героя Слепкова убежденность, что и впереди не все гладко и однозначно. Совсем не гладко. И уж точно не однозначно! И не всякая новь ведет к позитивным переменам. А потому:

*Зачем-то вновь весна идет,
Накроет слякотным потоком
Мои проторенные тропы,
Внутри не тронув вечный лед...
.....
Весна приходит вновь. Зачем?
Я свыкся с ледяным уютом.
Пусть и зимой бывает круто,
Не пережить мне перемен.*

И вновь не стану предъявлять автору претензий по поводу повторения уже спетого В. Высоцким: «Пусть впереди большие перемены! Я это никогда не люблю!» Ибо контекст у Слепкова иной. Он более личный. И вновь нахлынувшие сомнения – процесс очень естественный для любого мыслящего человека в момент коррекции жизненных установок.

*Чтобы с силой и святой, и грешною
Распахнул я миру вновь объятия,
Вдохновился ложными надеждами –
Стану в песни их переплавлять я.*

Вот еще одна страховка, если угодно, – идти новым путем все-таки страшновато. Но подобные оговорки выдают, прежде всего, человека, ощущающего ответственность за каждый сделанный шаг и за предстоящие свои поступки. А от неудач, понятно, зарекаться не пристало. Поэтому лирический герой Слепкова человек не картинный, не рисованный, а вполне живой, вызывающий симпатию, прежде всего критическим отношением к себе:

*Сухие ветви тополей
Как трещины на глади неба.
Смотри в окно, чайку налей
И больше – ничего не требуй.*

И тем более когда о «себе любимом» этак вот:

*Очистил все, во что когда-то влил.
Читаю только древние поверья.
Сию теперь, отращиваю нимб,
А меж лопаток тихо лезут перья.*

Пока человек умеет посмеяться над собой, он, по крайней мере, человеком и остается. А герою Вениамина Слепкова, настоящему мужчине, кроме всего прочего, не только симпатизируешь, но и веришь. Веришь, например, когда читаешь стихи, посвященные матери:

*Пасхальным звоном наполнен город,
Да праздник нынче не даст мне сил.
Как будто надвое я расколот,
Два дня, как маму похоронил.*

*И половинка с сынком гуляет,
Смеется с дочкой, наперебой
С друзьями спорит. Молчит вторая,
Лишь ставит свечи за упокой...*

И этому, сказанному честно и прямо:

*Нет, я тебя годами мучил ссорами
И до конца перед тобой в долгу.
Отдать и крохи долга не смогу.
Ты даже не даёшь мне вызвать «скорую».*

*Сжимаешь фотографию, которую
Тому назад лет десять сделал брат.
Там были мы счастливей во сто крат.
И ты не позволяешь вызвать «скорую».*

Говорят, что время лечит. Возможно, но не зря именно «время, столкнувшись с памятью, узнает о своем бесправи». Это хорошо, что боль затихает, но не умирает, не проходит. Это и есть память. А кем мы станем, лишившись памяти? И даже утратив ощущение памяти? Понятно, никем. А вот герою Вениамина это не грозит. Он останется самим собой, он обязательно найдет себя в новом времени, он найдет свою дорогу. Ну, а как сложится предстоящий путь, куда он приведет, предсказывать не берусь. Да и сам автор, наверное, не рискнет. Радует уже то, что у «старого» и очень симпатичного «лешака» впереди – целая жизнь. Как, смею надеяться, и у поэта Вениамина Слепкова, обладающего, кроме прочих, еще одним ценным качеством – умением радоваться казалось бы обычным вещам, ценить эти радости и создавать эти радости самому:

*Я у выхода вскрою пакет с молоком
И, глотнув, буду прятать улыбку неловко,
Мне покажется – пью не водичку с мелком,
А парное, как только что из-под коровки.*

**Вениамин Слепков. Старый лешак:
стихотворения. Петрозаводск,
«Скандинавия», 2009, 48 с. Тираж 500.**

Владимир Вадимович ТРУСОВ

родился в 1965 г. в Воркуте.

*С 1993 г. живет в Мончегорске,
корреспондент Мончегорского телевидения.*

*Поэт, стихи публиковались в областных газетах «Мурманский вестник»
и «Полярная правда», альманахах «Мурманский берег»,
«Площадь первоучителей».*

В 2010 г. выпустил книгу «Автопортрет углем».

В «Севере» публикуется впервые.

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

г. Петрозаводск

Эти строки Сумарокова приведены в новой книге доктора филологических наук Татьяны Георгиевны Мальчуковой «Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века», которая стала для меня интересным открытием в таком, казалось бы, насковозь изученном литературном поле прошлых столетий. Надо ли говорить, как близко «Северу» все северное!

Северная тема, по мнению автора, пришла в русскую поэзию в связи с деятельностью Петра Великого, основателя Северной державы и Северной столицы.

В первой главе книги раскрываются северные мотивы в творчестве Антиоха, Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского, Державина, Жуковского, Батюшкова.

Михаил Васильевич Ломоносов, сам принимавший деятельное участие в подготовке и освещении первой полярной экспедиции, отводит центральное место «северной» теме в своей эпической поэме «Петр Великий».

Причем наряду с описанием берегов Северной Двины, Соловецкого острова, автор колоритно изображает дивные места нашей Карелии – Ладожского озера, Марциальных Вод...

Т.Г. Мальчукова отметила, что именно Ломоносову принадлежит инициатива метонимической трактовки образа – понятия Север как расширительно метафорического обозначения России. Например, Россия в русско-турецкой войне автором обозначена как «Северны края».

Глава вторая посвящена северной теме в поэзии А.С. Пушкина. И в художественном мире нашего поэтического гения «Север занимает несвойственное ему географически центральное место», то есть Север для Пушкина, как и для Ломоносова, – Россия, родина.

Татьяна Георгиевна, будучи известным и признанным пушкиноведом, приводит убедительные примеры, анализирует и сопоставляет пушкинские строки в контексте античной и европейской культуры, выявляя удивительные связи и образы, помогающие полнее осмыслить многогранный поэтический мир Пушкина. В этой главе автором представлен систематический обзор не только личных впечатлений поэта и биографических обстоятельств, но и культурно-исторических фактов, сформировавших северную тему в творчестве Пушкина.

Третья глава книги называется «Времена года в поэзии Пушкина, его предшественников и современников», которая открывает широкую панораму художественно-образительных средств не только для исследователя литературы, но и для читателя. Например, всем северянам известна такая яркая примета северного лета, как белая ночь. Однако у многих русских поэтов, предшественников Пушкина, нет упоминаний о белых ночах, что кажется странным. И автор книги Т.Г. Мальчукова терпеливо приоткрывает завесу тайны этой странности. И читатель, ведомый умным и чутким исследователем, уже и сам пытается постичь многие загадки «северной темы» в русской поэзии. Ведь в книге даются наблюдения, связанные с изображением в поэзии всех времен года. И везде проступают северные черты – близкие нам по духу и сознанию. Ибо живем мы на Севере. И Север – это для многих родина. Как Север для Ломоносова и Пушкина.

Не сомневаюсь, что книга Татьяны Георгиевны Мальчуковой придется по сердцу нашим пытливым читателям-«северянам»!

Татьяна Мальчукова. Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века. Издательство ПетрГУ, 2009, 262 с.